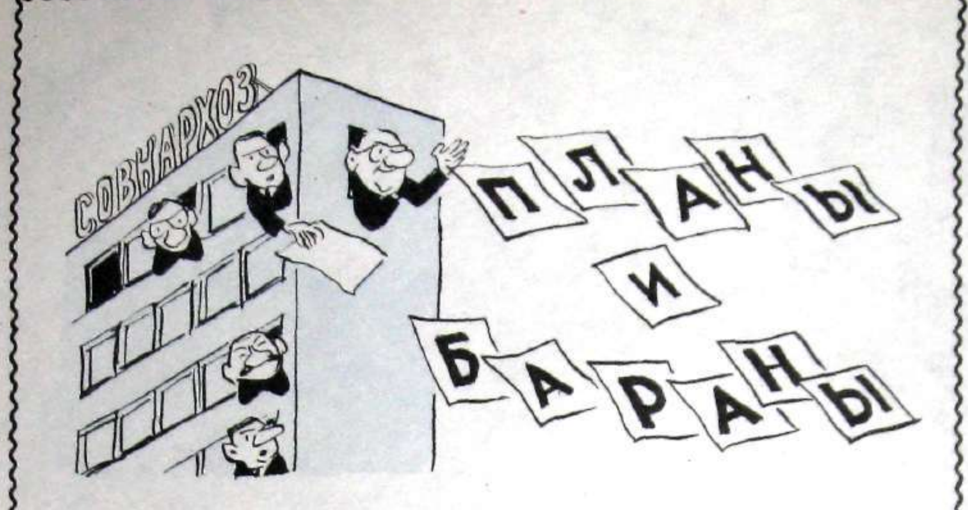

– Не улетайте, сегодня же начнем ремонтировать птичник!

Рисунок Е. ГУРОВА
по теме В. Волкова (г. Владимир)

КРОКОДИЛ

№ 31 (1717) • ГОД ИЗДАНИЯ 42-й • 10 НОЯБРЯ 1963

Над Ростовом высится громада —
СЕВЕРОКАВКАЗСКИЙ СОВНАРХОЗ.

Дом с масштабом!
Так ему и надо:
Это масса-штаб, а не обоз.
Первыми приходят тети Маши,
Убирают лестничные марши
С веником, ведерком и совком,
А потом приходят секретарши,
А потом — кто должностью постарше,
А потом — кто ходит не пешком.
С виду в кабинетах очень мило,
Совнархоз продумал каждый шаг:
Под рукой — бумага и чернила,
Под ногой — корзины для бумаг.
Дыроколы бьют, не уставая,
Машбюро строчат наперебой...
Словом, обстановка боевая,
Все на трудовой передовой!

В результате этой обстановки
В Хасав-Юрт, на Северный Кавказ,
В типовой почтовой упаковке
За приказом следует приказ:
«Хасав-Юрт. Заводу бытприборов.
Утверждаем новый план работ.
Уточните мощности моторов.
Вышлите немедленно отчет».
«Указать, каков состав рабочих.
Сколько на сегодняшний момент
Инженеров, техников и прочих.
Их национальный контингент».
«Как производительность?
Как нормы?
Как соревнованье на местах?
Для отчетов высылаем формы —
Приложенье на пяти листах».

Подписи разборчивыми были,
Без бюрократических витков.
К приложеньям руку приложили
ЗАВ. и ЗАМ.—
«Вирабов.
Шашенков».

Все учли. Приказы — будь покоен!
Не учли лишь только одного:
Что завод пока что не построен,
Что пока в помине нет его.
И летят приказы сквозь туманы,
Приземляясь там, где до сих пор
Бродят белоснежные бараны,
Словно облака, по склонам гор.
Меринос проблеял мериносу:
— В совнархозе утверждают план.
Как нам быть по данному вопросу?
Собирай собрание, баран!

Над Ростовом высится громада —
СЕВЕРОКАВКАЗСКИЙ СОВНАРХОЗ...
В Хасав-Юрте шерстяное стадо
Обсуждает заданный вопрос.
Но невмочь баранам разобраться
В этой канцелярской кутерьме.
И они решили отписаться:
«В этом деле мы ни «бе», ни «ме».

Николай КНЯЗЕВ,
специальный корреспондент
Крокодила

г. Хасав-Юрт, Дагестанской АССР.

И СВЕРШИЛОСЬ ЧУДО...

В завкоме Артинского метизного завода (*Свердловская область*) распределялись льготные соцстраховские путевки. Желающих отдохнуть было много, а льготных путевок, сами понимаете, в обрез. Всех не удовлетворишь. Кому же дать, чтобы ни претензий, ни нареканий не было?

— В первую очередь передовикам производства и общественникам! — заявил председатель завкома Павел Андреевич Глазов.

Вооруженный таким принципом, заводский комитет быстро распределил путевки. Осталась одна... И разгорелся спор. Кому она достанется?

Тут, как на счастье, в заводский комитет зашел гражданин Трубеев.

— Мир дому сему! — степенно произнес он и, заметив озабоченное лицо предзавкома, сочувственно добавил: — Да ниспошлет господь мудрость и разумение на твою главу...

— Вот этого мне как раз и не хватает,— признался Глазов и поведал Трубееву свои горести.

— Эка беда! — воскликнул Трубеев.— Мигом разрешу твои горестные сомнения. Душа и плоть моя жаждут отдохновения после трудов праведных. Мне бы путевочку! Свечку в благодарность поставлю...

— Я и без свечки выдам, только ты же нигде не работаешь...

— Зато я общественник...

— Ну?

— На сей счет, Павел Андреевич, можешь не беспокоиться. У нас по этой линии полный ажур. Или ты запамятовал, что я веду самую какую ни на есть большую общественную, выборную работу? Ведь я председатель «двадцатки» во храме божьем...

— Раз так, тогда какие могут быть разговоры! — согласился предзавкома и тут же подписал льготную путевку церковнику Трубееву.

— Да возместится тебе сторицей, раб божий Павел! — торжественно поблагодарил Трубеев.

— Тебе спасибо, гражданин Трубеев: выручил ты меня, а то долго бы ломал себе голову, кому из активистов выдать эту злосчастную путевку.

— Аминь!..

В. ПРОХОРОВ

г. Свердловск.

Александр ПРОКОФЬЕВ

ДРУГИЕ ДОЛИНЫ У НАС

Есть страны, куда ты ни глянешь,
Ну, как бы сказал гармонист:
Пошире гармошку растянешь —
Ладами коснешься границ!

Растянешь за милую душу,
Зажмуришь глаза, старина,
И, верно, границу нарушишь,
Нарушишь границу...
Война!

У нас же другие поляны,
Другие долины у нас:
Тяни триста тысяч баянов,
И то до Онеги как раз!

— Почему не машину подали?
— А мне сказали, что вас надо прокатить на вороных!

Рисунок С. КУЗЬМИНА

Два кума

На Украине сказка выглядит так.

Идут два кума и никак не могут припомнить, что случилось с кожухом.

— Мы с тобой шли? — спрашивает один кум.
— Шли.
— Кожух нашли?
— Эге, нашли.
— Где же он?
— Кто?
— Кожух!
— Который?
— Мы с тобой шли?
— Шли.
— Кожух нашли?

Долго оба кума никак не поймут: куда же девался найденный кожух?

Наконец второй кум догадывается:

— Мы с тобой шли?
— Шли.
— Кожух нашли?
— Нашли.
— В шинок зашли?
— Ага! — находит ответ и первый кум.

А вот как эта сказка выглядит у нас в Анакли, на берегу Черного моря.

Лесозаготовители отправили в Анакли бесценный дар Севера — пять тысяч кубометров строительного леса. Об этом до сих пор помнят труженики в селах Анакли. Дизель-электроход «Ангара» встречали, как дорогого гостя. «Шутка сказать — сколько морей прошел электроход, чтобы доставить колхозникам нужный им лес!

Лес в сказочный срок выгрузили, как положено, обмерили его и отправили на склад лесофондовой базы потребительской кооперации, которым заведовал Веришвили, человек оперативный и деятельный.

Веришвили расписался в накладной и вручил ее капитану.

— Лес прибыл полностью, пять тысяч кубометров... Благодарим за труд. Привет героям — лесорубам Севера!

А через месяц Веришвили поднял руки к небу и завопил:

— Что за чудо?! Не хватает двух тысяч кубометров — почти половины!

Грузчики и водители машин развели руками.

— Как это может быть? Вы же обмеряли лес, уплатили нам за выгрузку и доставку именно пяти тысяч кубометров.

— Вы мне сказки не рассказывайте,— не сдавался Веришвили.

А грузчики и водители в ответ:

— Мы лес выгружали?
— Выгружали.
— Вы его обмеряли?
— Обмеряли.
— Куда же девались две тысячи кубометров?
— Надо спросить капитана. Может, они в воду канули.

Капитан ответил: мол, так и так... Лес, правда, шел водой, но кануть в воду две тысячи кубометров не могли, поскольку лес находился в надежных трюмах и у него есть документы, что прибыл бесценный дар Севера в Анакли полностью. И если он канул, то на суше.

Двум кумовьям-украинцам никто не помогал, они сами догадались, куда девался кожух. Не сразу, но догадались.

А куму Веришвили помогали представители разных организаций. Помогали, гадали, но так и не догадались, куда же исчезли два эшелона леса — примерно сто вагонов.

— Нет, я так это дело не оставлю,— не успокаивался оперативный и деятельный заведующий базой и продолжал поднимать глаза и руки к небу: может, оно подскажет, куда девался дефицитный лес.

Небо так и не ответило заведующему лесофондовой базой, а те, которые помогали ему разбираться, махнули рукой.

— Перестань шуметь! Надоел ты нам.

Тогда обиженный заведующий базой послал на лесокомбинат куму Тельцову телеграмму:

«Срочно прилетай разберемся на месте Москве».

Кум Тельцов поспешил на помощь куму Веришвили. Кум Веришвили полетел встречать кума Тельцова.

Встретились и зашли в арбитраж. Шумели там, кричали друг на друга, тыкали в лицо арбитру документы и так надоели ему своим криком, что он прогнал обоих.

В самом деле, как тут разобраться? У одного документы, что Веришвили принял полностью пять тысяч кубометров, у другого — что на базе не оказалось двух тысяч кубометров, о чем свидетельствуют акты, подписанные служащими базы.

Тогда кум Тельцов и кум Веришвили пошли разбираться в ресторан.

Когда они вышли из ресторана на улицу подышать свежим воздухом, кум Тельцов спросил кума Веришвили:

— Слушай, Соломон, я же тебе пять тысяч кубометров отгрузил?
— Отгрузил.
— Ты их полностью получил?
— Получил.
— Куда же девались две тысячи кубометров?
— Какие?
— Я же тебе пять тысяч отгрузил...

Наконец кум Веришвили надоумил кума Тельцова:

— Мы из арбитража шли?
— Шли.
— В твой номер зашли?
— Зашли.
— Я тебе вручил?
— Ага! — наконец догадался кум Тельцов.

И на лесокомбинат полетела телеграмма: «Срочно отгрузите Анакли лесофондовой базе недостающие две тысячи кубометров привет Тельцов».

И вскоре две тысячи кубометров снова доставил дизель-электроход «Ангара». Бесплатно, «как недостающие».

Ясон ГЕРСАМИЯ

г. Сухуми

Вл. КОНСТАНТИНОВ,
Б. РАЦЕР

С трех до пяти

Федор Кузьмич по решенью завкома
был прикреплен к общежитью мужскому.
С трех до пяти в понедельник и в среду
он проводил в общежитьи беседы.
Темы всегда у него актуальны:
облик моральный и кодекс моральный;
как в отношеньях блюсти чистоту,
быть образцом и в труде и в быту.
«Скоро вступаем мы в высшую фазу,
и человек человеку обязан
верным быть другом, товарищем, братом» —
так молодежь поучал агитатор.
Как-то на днях, в понедельник (иль в среду),
очередную закончив беседу,
вышел из красного он уголка,
видит: на лестнице два паренька
кроют друг друга такими словами,
что в словаре не отыщем мы с вами.
Кодекс бы кстати здесь был, безусловно,
но не моральный, скорей уголовный:
сломанный нос, рассеченное веко,
чуть не убил человек человека.
Но не свернул агитатор с пути —
он агитировал с трех до пяти,
а на часах — половина шестого.
Он не сказал хулиганам ни слова,
кодекс моральный в момент позабыл:
он до пяти агитатором был.

РАЙТОП И ТЕЛЕФОН

В начале октября бюро прогнозов предсказало для города Скопина, Рязанской области, похолодание. Ничего не поделаешь — осень! В эти дни у ребят детского сада Скопинского стеклозавода особой популярностью стали пользоваться подвижные игры. Причем не только на свежем воздухе, но и в помещении. Появились верные приметы, что пора начинать отопительный сезон.

Выяснилось, что для отопления детского сада нужно:

либо бросить в топку всего-навсего один телефонный аппарат;

либо всем детишкам во главе с воспитательницами стать на колени перед Геннадием Петровичем Чекалиным.

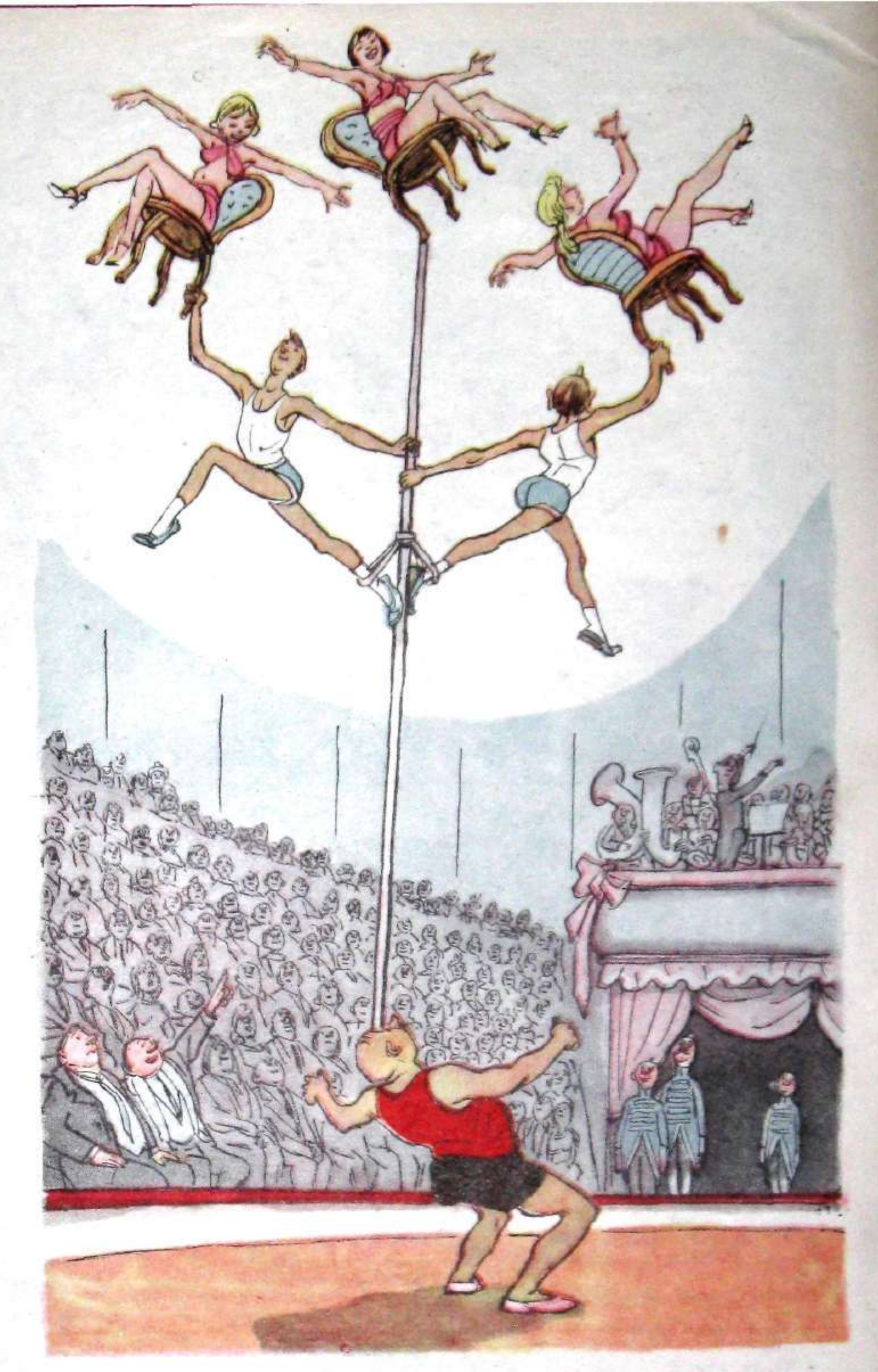
Выручил детей заместитель директора Скопинского стеклозавода Зверев. Он взял на себя нелегкий труд — стать на колени перед Геннадием Петровичем. Короче, тов. Зверев обратился в Скопинскую топливную контору с просьбой отпустить для детсада завода пять кубометров дров. И вот тут-то оказалось, что проблема снабжения детского сада топливом тесно связана с проблемой именно телефонного аппарата.

«Зам директора завода тов. Звереву.

Скопинский райтоп просил установить рабочий телефон на квартиру директора, мне, но директор завода товарищ Иваничев отказал... А поэтому Скопинский райтоп также отказывается снабжать детсад стеклозавода. Обязуюсь снабжать детсад при условии, если мне на квартиру будет установлен рабочий телефон. Директор райтопа Чекалин».

Конечно, несмотря на телефонно-дровяной шантаж со стороны Чекалина, детский сад, я думаю, не обледенеет. Что же касается самого Геннадия Петровича, то за изобретательность в достижении личных целей с использованием служебного положения ему стоило бы все-таки установить телефон. Но только для одного разговора с кем-нибудь из руководящих работников города. Для разговора об элементарной порядочности.

Ю. М.

— Совсем как у нас в тресте: один работает, остальные сидят!

Рисунок И. СЕМЕНОВА

Иронические строки

Чайная ложечка вызвала на соревнование Экскаватор и получила первую премию. Недаром она вертелась на глазах у начальства.

В. ЧЕМЕРИС

Чтобы улучшить свои экономические показатели, фабрика стала выпускать башмаки без подошв.

Как только директор получил больничный лист, завод перестало лихорадить.

После того, как у него началась мигрень, он почувствовал, что у него есть голова.

М. КРУТИК

Он полез в бутылку и выбрался только через пятнадцать суток.

Дм. СВИНЦИЦКИЙ

Песня хватала за душу. И выворачивала ее наизнанку.

А. ЧЕРНОВ

Н. ПЕРЕГОРОДОВ

ПОДВИЖНИК

Памфлет

I

В большом городе было много трестов. В их длинной веренице нашел себе место и трест «Сухая тара». Он занимал солидную площадь в центре города, в солидном доме. Целый четвертый этаж.

Ведущая роль в тресте принадлежала отделу заплат и починок. Ведь даже новая тара может иметь повреждения и требовать заплат, починки. Это всем хорошо известно. А если учесть, что вся сухая тара в области оборачивалась по нескольку раз от производителя к потребителю и обратно, то станет понятным, сколько работы было у отдела.

Отдел занимал большую и светлую комнату, самую большую на этаже. В ней размещались сотрудники. У начальника отдела была комната поменьше.

Все служащие отдела назывались исполнителями. Младшие исполнители, исполнители просто и старшие исполнители. Очевидно, таким образом руководство стремилось привить своим подчиненным наибольшую степень исполнительности. Дабы подчиненные всегда прекрасно понимали свою роль: их дело только исполнять, а не рассуждать.

II

Пал Палыч Тенников работал в отделе уже пять лет. И за пять лет не смог подняться по служебной лестнице выше ступени младшего исполнителя.

Правда, Тенников аккуратнейшим образом получал бумаги от вышестоящих исполнителей и даже непосредственно от начальника отдела. И не менее аккуратно подшивал их в личную папку входящих бумаг. Желая показать усердие, молодой младший исполнитель даже обернул свою папку бумагой. Но подобного шага было явно недостаточно для продвижения по службе. Он так и оставался для всех «товарищем младшим исполнителем».

И Пал Палыч ждал. Ждал, когда придет счастливый случай. И дождался.

От постоянного писания бумаг у Тенникова выработался недурной почерк. Ясный, округлый, разборчивый. По русскому же языку он никогда не имел отметок ниже четверки. А посему и знаки препинания, о которые часто спотыкаются многие пишущие служебные бумаги, в его исходящих аккуратно стояли на своих местах. Вот это обстоятельство ему и пригодилось.

Все началось с памятного обеденного перерыва. Сотрудники вышли из отдела: кто в буфет, кто в коридор, а кто даже рискнул спуститься вниз, на улицу. Один Тенников сидел, решив сегодня сэкономить на завтраке.

Вдруг (здесь мы не можем обойтись без традиционного «вдруг») дверь кабинета начальника открылась. Сам Петр Егорыч быстро вошел в отдел. Оглядевшись и увидев лишь Тенникова, начальник поманил сотрудника пальцем.

— Э... младший исполнитель... так сказать... Пал Палыч! Зайдите-ка на минутку! Мне нужно срочно делать доклад. Да вот мало гладких фраз получается. Приходится делать много вставок и поправок. Перепишите, пожалуйста, все стройно, как положено.

Тенников, обрадованный доверием, с жаром принялся за работу. Прежде всего он устранил погрешности стиля. Затем взял самую лучшую бумагу и весьма старательно переписал текст доклада. Переписывая, он старался, чтобы написание букв как можно более походило на почерк Петра Егорыча. Старательный Тенников переписал доклад три раза. Наконец встал и с удовлетворением взглянул на доклад.

«Ведь я написал так,— подумал младший исполнитель,— будто это черновик Петра Егорыча, а не мой! Даже машинистка ничего не заметит».

Утром следующего дня ровно в 9.00 он был в кабинете шефа.

— Какой вы ловкий и догадливый, Пал Палыч! Так и кажется, будто писал я сам. И сочетание букв «гд» такое же, как у меня!

И начальство расплылось в широкой, благожелательной улыбке. Тенников ясно понял: теперь его карьера обеспечена.

В течение последующего времени младший исполнитель еще не раз выполнял подобные поручения. А в свободные часы тренировался в написании букв по-петрегорычевски, находя в этом удовольствие. И выходило! Да еще как! И хотя он никогда не считал себя подхалимом, но в данном случае старательность и успехи удивляли даже его самого.

Приближалось исполнение заветной мечты Пал Палыча — перевод на должность исполнителя.

Но... всегда, глядишь, в наши дела вмешивается непредвиденное «но».

Начальника срочно вызвали в высшую инстанцию. Вернулся он только для сдачи дел новому начальнику — Б. З. Бразову.

III

Нашего героя поджидала нежданная беда.

Почерк Б. З. Бразова был поистине безобразным. Буквы напоминали штрихи и закорючки, расположенные в самом хаотическом беспорядке. Строчки то лезли вверх, то сползали вниз. Бразов необычайно вольно обращался как с написанием слов, так и со знаками препинания. Он всегда имел в своем подчинении человека, разбиравшегося в его письменах и помогавшего ему составлять деловые бумаги.

Пал Палыч быстро понял запросы нового начальника. В течение недели научился разбирать бумаги, исчерканные всемогущей десницей. Изложить же грамотно любую бумагу, как мы уже сообщали читателям, Тенникову не представляло труда. Но вот почерк... Как научиться писать почерком Бразова?

Боевая задача была поставлена. И Тенников с большим рвением взялся за достижение намеченной цели.

Целый месяц (будто проходя месячный испытательный срок) он в теории и на практике осваивал крайне неразборчивый почерк нового начальника. Более четырех общих тетрадей было исписано. Брюки Тенникова сзади стали совершенно гладкими и отполировались.

И ожидаемое перевоплощение почерка наконец наступило. Пал Палыч стал писать совершенно одинаково с Борисом Захаровичем Бразовым.

Теперь Тенников, убеждаясь в этом с радостью, не в состоянии был писать своим прежним почерком.

И распоряжение о производстве Тенникова П. П. в исполнители украсило доску приказов.

IV

Так бы и шло нарастание благополучия Тенникова, приближавшее его к должности старшего исполнителя, если бы в спокойное течение его жизни снова не вмешались непредвиденные обстоятельства.

Б. З. Бразов, обладая безобразным почерком, не менее безобразно относился и к браздам руководства. За шесть месяцев он совсем запутал дела отдела. Стало совершенно неясным, на какую сухую тару наложены заплаты и на какую нет. Невозможно было определить, что и когда нуждалось в починке.

Возникла масса недоразумений и справедливых нареканий.

Положение разрешилось появлением нового начальника — Николая Антиповича Лукова. Это был высокий человек лет сорока, в пенсне на веснушчатом носу. Подтянутый и аккуратный.

Но самое главное... Новый начальник имел каллиграфический почерк. И писал очень грамотно. Свое отношение к подчиненным Луков определял по их умению каллиграфически и грамотно писать.

Обстановка, как видите, сложилась решительно не в пользу Пал Палыча. Безобразный почерк Тенникова сразу же обратил внимание нового начальника. Из Пал Палыча он немедленно превратился в «товарища исполнителя». Ему даже иногда приходилось терпеть, когда его называли просто Тенниковым.

Но Пал Палыч был не из тех, кто отказывается от радужной перспективы получить должность старшего исполнителя. Прежде всего он стал упорно переучиваться. Стал выправлять свой почерк, учиться искусству каллиграфии. Тенников поставил себе задачу — освоить все нюансы почерка нового начальника. Двадцатипятилетний исполнитель даже перестал ходить в кино и читать газеты...

V

В отделе заплат и починок шло общее собрание. Сам Николай Антипович выступал с докладом об итогах борьбы за упорядочение заплат и увеличение количества починок.

Докладчик яркими мазками нарисовал картину достижений отдела.

Поддерживая солидного докладчика в нужных местах аплодисментами, исполнители с затаенным дыханием ждали имен. Начальство всегда отмечало кого-нибудь.

Была отмечена, например, ценная инициатива растущего младшего исполнителя Забудилова. Он повесил на стене у своего стола график учета входящих и исходящих бумаг и завел личный дневник посещений начальства с записями руководящих указаний.

— Но с особенным удовлетворением,— продолжал Луков,— мы должны отметить достижения нашего уважаемого исполнителя Пал Палыча Тенникова. Ведь подумать только! Он один из всех некогда в совершенстве освоил «бразовский» безобразный почерк. Теперь он стал писать столь безукоризненно, что я уже не в состоянии различить, какую бумагу писал он и какую я. Правда, эти усилия несколько пошатнули здоровье Пал Палыча. Мы это ценим и отмечаем. С сегодняшнего дня Пал Палыч Тенников утверждается в должности старшего исполнителя. Мы учитываем также, что его очередной отпуск по графику начинается третьего июня. Руководство отдела решило премировать Пал Палыча Тенникова путевкой в Сочи.

Пал Палыч выглядел именинником. На его побледневшем и осунувшемся лице играла улыбка торжествующего подхалима.

г. Куйбышев.

СВОИМИ РУКАМИ

В школе нередко возникала паника, но такой не могли припомнить даже второгодники. *Все куда-то бежали, что-то тащили,* кричали. Учительница Валерия Осиповна сбила с ног старшую пионервожатую, а невозмутимая тетя Даша давала звонки каждые десять минут.

Через два часа после начала паники директор созвал чрезвычайный педагогический совет.

— Только без паники! — заявил он.— Вот тут документик один пришел: через месяц состоится смотр работ учеников города. Я думаю, мы, как и всегда, не будем плестись в хвосте, а займем первое место. Таланты? Разве мало у нас талантов? Чего стоит один только физик Пимезонов!

— *Оно, конечно,— покраснел* учитель физики Пимезонов.— Оно, конечно, но пора же и ученикам самим что-то делать. Каждый год все мы да мы, учителя, за них работаем...

Тихий голос Пимезонова потонул в криках возмущения:

— Он хочет погубить честь школы!..

— Все же учеников тоже надо привлечь,— слабо сопротивлялся Пимезонов.

— Да, да! Это верно, товарищи,— поддержал Пимезонова директор.— Массовость у нас *всегда страдала. Нужно при*влечь студентов-практикантов. Нажать на родителей! Я думаю, таланты хоть какие-нибудь у нас есть. За работу!

Срочно прошли родительские собрания. Школа была объявлена на чрезвычайном положении. Одновременно был создан координационный центр по выявлению и привлечению талантов.

Внезапно открылся талант у преподавателя ботаники Георгинова: он умел хорошо писать печатными буквами. Другое дело — учитель химии Алкалоидов: он оказался неспособным художественно оформить даже таблицу Менделеева. Его работу срочно передали добровольному товариществу художников.

*В середине месяца стали при*ходить папы и мамы. Они приносили картонные домики, пластилиновых кур, всякие стенды. Жаловались на головную боль и отсутствие опыта.

— Ничего, ничего,— успокаивал их директор.— Главное, без паники. Это первый раз так... И побольше фантазии, побольше, но в пределах реального. Ну где *вы видели* радиоуправляемых кур, товарищ Носиков, ну где?

А дома разыгрывались сцены...

— А-а-а!.. Вон папка Вовки *Мамикова действующую модель* синхрофазотрона сделал! А ты мне домик лепишь! — ревел Сема Пузиков.

— Да пойми же ты, дурачок, если я тебе что-нибудь такое сделаю, никто не поверит, что это твоя работа...

— Не хочу понима-а-ть! Поверя-я-ят! Там таблички наклеят и поверя-ят!

В дело вмешивалась мама.

— А чем мы хуже Мамиковых? Подумаешь, он не *может для ребенка расщепить* атом! Ты что? Хочешь уронить честь школы? Да?

И отец соглашался сделать циклотрон или что-нибудь похожее, лишь бы в семье наступил мир...

Ровно через месяц выставка была открыта... Под торжественные звуки сводного духового оркестра школ заведующий *гороно перерезал красную лен*точку и пригласил всех войти.

...Честь школы оказалась не на высоте. На первое место вышли воспитанники городского детского сада, участвовавшие в выставке вне конкурса. Лучшей была признана радиоуправляемая модель пивоваренного завода работы четырехлетнего Васи Папикова.

Ф. ГЛУХМАН

г. Херсон.

— У нас не как в церкви, а тяп-ляп — и готово!

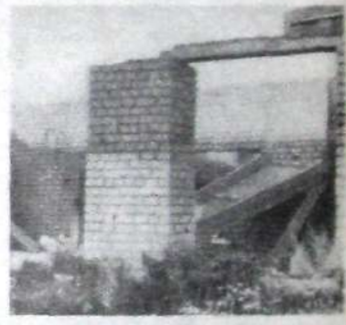
Рисунок А. КАНЕВСКОГО

Под сен

1. Как живописно выглядят каменные плиты на фоне пышной темной зелени бурьяна и чертополоха! Кажется, вот-вот по этим ступеням спустятся задумчивые дриады, а с ними сам козлоногий Пан, вооруженный цевницей.

Однако не ждите. Не будет дриад. Да жители города Липецка и не горюют о них. Они, жители, предпочли бы, чтобы этот лирический пейзаж оживили обыкновенные прозаические строители. Чтобы они появились и завершили сооружение драматического театра. Пора бы. Ведь стройка начата в 1957 году, а прекращена в 1959-м. Так что на срок до пяти лет дриады вполне могли бы здесь прописаться. Никто бы их не побеспокоил.

2. Не столь живописны эти кирпичные колонны, но у липчан они вызывают такие же эмоции, как и «руины драмтеатра». По идее, здесь должно быть предприятие пищевой промышленности. Думали горожане: вот-вот достроят завод, и станет он выдавать продукцию. Но уже пять лет стоят эти кирпичные тумбы. Скоро и их не будет: растащат те, кому нужен дармовой кирпич.

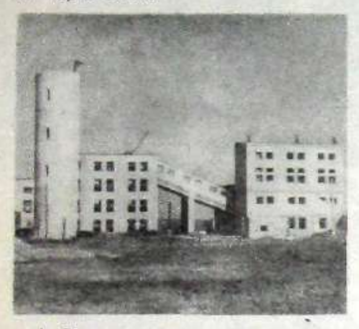
Интересно, какие эмоции вызовет этот снимок у работников областного управления продтоваров и «Промстроя»?

3. Мясо — продукт нежный, оно требует специальных условий: холодильника, белых халатов, выложенных плитками полов и стен.

ЬЮ ЧЕРТОПОЛОХА

Лет шесть назад Липецкий горисполком *решил построить на* центральном рынке современный мясной павильон. И вот что ему удалось соорудить при самых энергичных усилиях собственного ремонтно-строительного управления. Потратив 40 тысяч рублей на фундамент и стены, строители с удивлением обнаружили, что у них нет мощного крана и поднять наверх железобетонные балки нечем. Так балки и лежат до сих пор на мягкой подушке из чертополоха.

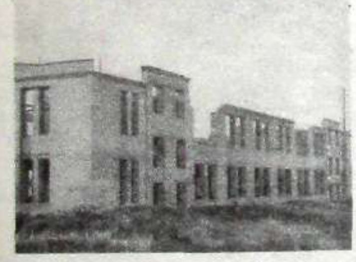

4. Посмотрев на этот снимок, вы скажете:

— А это попало в «Крокодил» по ошибке. Совсем готовое сооружение!

Сооружение — Подгоренский завод красного кирпича. И он вовсе не готов. Сначала его строил «Липецкстрой». Потом передал стройку «Облстройтресту». Этот, в свою очередь, спихнул завод «Облстрою». Потом областным организациям надоело разбираться в скучных вопросах, вроде того, кто допустил брак на сто тысяч рублей, кто утерял техническую документацию. И нашли мудрое решение — бросить этот завод на произвол судьбы, а вместе с ним и многоквартирные дома для работников завода. Ясно ведь: зачем рабочие, если нет завода, и зачем жилые дома, если нет рабочих?

И никто больше сюда не ходит. Позарастали стежки-дорожки, ведущие к стройке. Позарастали мохом-травою и опять же чертополохом. А кирпич липчане выпрашивают в соседних областях.

5. Внешне довольно банальный, ничем не примечательный снимок.

Однако именно это недостроенное здание, его история интереснее всех предыдущих.

До сих пор остается тайной, что представляет собой эта кирпичная коробка и кому она принадлежит. Во времена, прошедшие давно, Облпромсовет начал строить галантерейную фабрику. Мол, пусть здесь местные умельцы выпускают зеркала и пуговки из речных ракушек. Вскоре Облпромсовет был ликвидирован, и коробка перешла в руки *Облместпрома.*

— Зачем нам пуговки? — рассудил Облместпром. — Обувь нужнее. Пускай здесь будет обувная фабрика. Обуем наших жителей на обе ноги!

Сделали новый проект за пять тысяч рублей — и (в связи с ликвидацией Облместпрома) передали все хозяйство управлению легкой промышленности совнархоза. А потом и эта организация прекратила свое бренное существование. И корпус, поглотивший 120 тысяч рублей, стал ничьим.

Недавно, продравшись сквозь заросли чертополоха, торговые работники подошли к зданию, осмотрели, а потом ударили челом Облисполкому:

— Дайте нам это строение! Мы закажем новый проект. Пускай это будет картонажно-бумажная фабрика. Начнем вырабатывать стаканчики *для мороженого, пакетики для* конфет и прочую бумажную мелочь.

Так и сделали. Кончится ли на этом печальная летопись галантерейно-сапожно-бумажной фабрики, никому не ведомо.

6. Но все эти «недостройки» бледнеют в сравнении с дробильно-обогатительной фабрикой Студеновского рудоуправления (сокращенно ДОФ-2). Это настоящий Молох, который только в 1958 году сожрал 4 миллиона рублей и не подавился. И ни одного килограмма флюсов или там щебня не выдал. Ни на ломаный грош продукции!

А почему так получилось? Да потому, что руководители совнархоза, выстроив ДОФ и дойдя до монтажа оборудования, усомнились, нужна ли вообще эта ДОФ. Они, видите ли, раньше не имели времени подумать над такой пустяковой деталью. А теперь как-то время нашлось, выкроили свободную минутку и порешили:

— Сбывать продукцию фабрики вроде некому. А потому — свернуть стройку. Возражений нет? Принято единогласно.

И остались вместо ДОФ допотопные карьеры, где методом времен царя Митрохи, то есть старушкой кувалдой, добывается известняк для *сахарных заводов.*

И стоит теперь ДОФ-2, как памятник четырем миллионам новых рублей. Видите картинку? Это только кусочек индустриального гиганта. Остальное не уместилось на странице.

Еще в писании сказано: «Посеявый ветер пожнет бурю». А что же пожнет «посеявый» около пяти миллионов рублей?

Л. АЛЕКСАНДРОВА,
Д. ИВНИК

Фото К. Михайлова.

г. Липецк.

— Глядишь, к концу листопада и силосом запасемся!

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

Игорь МАРТЬЯНОВ

Опровержение

В газете вашей фельетон
Меня вчера обидел очень.
Спешу уверить вас, что он
Необъективен и неточен.

В нем говорится без стыда,
Что я сгноил сто тонн картошки...
Была с картошкою беда,
Но перегнули вы немножко:

Не сто, а девяносто тонн!
А в отношенье фактов прочих
Написан, видно, фельетон
Со слов несведущих рабочих.

Так, будто водку каждый день
Я пью, вы пишете с укором.
Зря на меня упала тень:
Я увлекаюсь лишь ликером.

Еще спешу заверить вас:
Вы стали жертвой злого слуха;
Как мог подбить я заму глаз,
Когда его ударил в ухо?

Неточность фактов, грубый тон —
Меня нервирует все это.
Смотрю на данный фельетон
Как на подрыв авторитета.

Я извинений не приму,
Я проучу вас, графоманов.
Еще покаетесь!
К сему —
Завбазой НИКАНОР КАРМАНОВ.

Заводчик Демидов играет в футбол

Свердловские телезрители потрясены. В самом деле, не каждый раз увидишь по телевизору, как бывший хозяин «Каменного пояса» знаменитый уральский заводчик Демидов играет в... футбол.

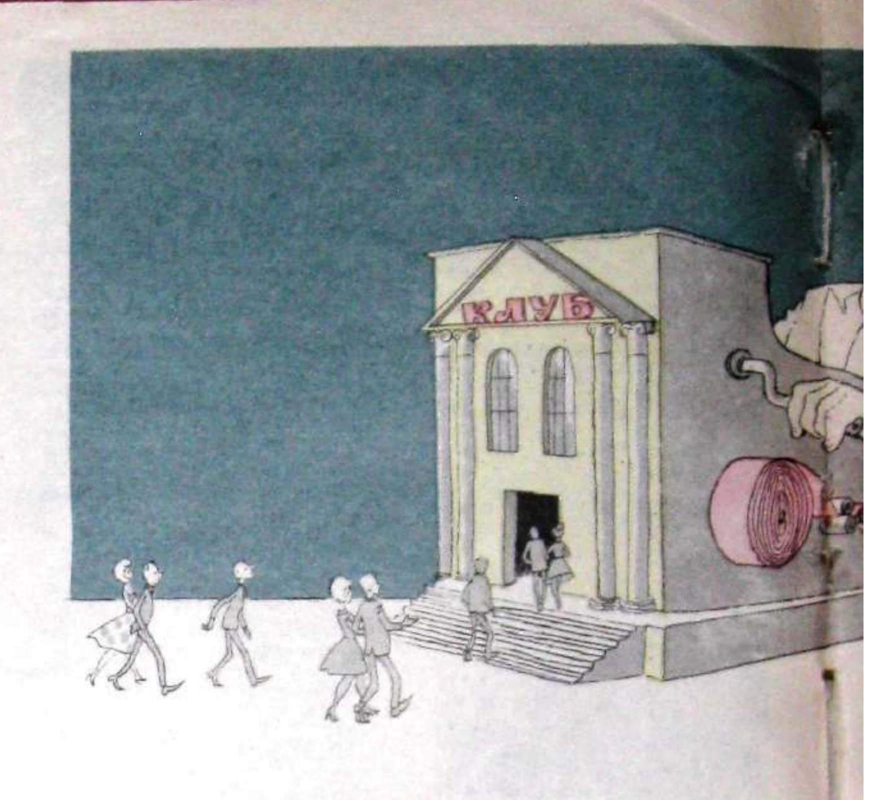
Недавно Свердловская телестудия транслировала спектакль Нижнетагильского драмтеатра «Были Каменного пояса». Картины сменяли одна другую. И вдруг место действия из демидовских хором было перенесено на футбольное поле, с воротами, с голевыми моментами. С экрана зажурчал голос комментатора, неистовствовали трибуны.

— Почему Демидов ударился в футбол? — запрашивали по телефону телезрители.

Ну как объяснишь несведущим телезрителям, что этому предшествовала ожесточенная борьба двух команд. Одна была за то, чтобы показать спектакль, как и положено, до конца. Другая за то, чтобы пресечь спектакль в разгаре и включить стадион, где в то время проходил футбольный матч. Победила команда болельщиков: спектакль бесцеремонно оборвали. *Тысячам зрителей-неболельщиков* придется теперь, видимо, ехать в Нижний Тагил досматривать «Были Каменного пояса».

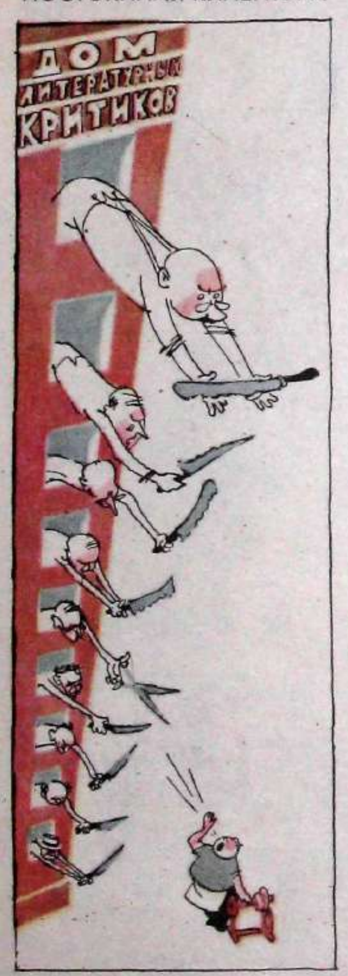
Конечно, футбол — прекрасная игра, но зачем же обращаться со зрителями и гостями-артистами, как с футбольным мячом?

П. ВАСИЛЬЕВ

КАССОВОЕ МЕРОПРИЯТИЕ

ПОСТОЯННАЯ КЛИЕНТУРА

— Точить но-о-жи, но-о-жницы!

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Разрешите, товарищи, открыть вечер-встречу с нашими *кинематографистами*, участниками международного фестиваля в южноамериканском городе Плато д'за Страхо. Слово имеет член делегации киноартист Олесь Подстригайлов.

ПОДСТРИГАЙЛОВ. Значит, так, приехали мы на фестиваль. Приехали мы, значит. Мы. Приехали. Городок — так, ничего, вроде Сухуми. Пальмы там всякие, ананасы... Частная торговля развивается... Но тут же приходит в упадок.

Как-то нескромно об этом говорить, но центральное внимание фестиваля в течение всех десяти дней было приковано ко мне. Беспрестанно подходили разные мистеры и миссисипи и просили автографов. А мне что, жалко, что ли? Я давал! Неловко об этом рассказывать, но мне говорили, что я тип северной красоты. Это, пожалуй, верно...

Не хочется быть нескромным, но истина требует сказать, что фильм с моим участием «Сердце в груди» имел ошеломляющий успех. Особенно газеты отмечали мое уменье держаться на экране. А также, к моему великому смущению, сравнивали меня по красоте с Жаном Маре, с Марчелло Мастроянни, с Гришей Пеком, с Фернанделем. Говорили, что я даже покрасивше последнего. Не знаю, не видал его ни в кино, ни в жизни. Но хотелось бы людям верить.

Так незаметно в давании автографов и прошла декада. Фильмов я, правда, не видал, за исключением нашей премьеры: не мог лишить публику законного права на общение со мной и восхищение моей северной красотой, ставшей уже, пожалуй, извините за нескромность, классической.

Или вот еще интересная деталь: есть у них там такая анисовая водка, называется «Перно». Так, поверите ли, если в нее налить немножко чистой воды, так она мутнеет. В таком виде и пьют, честное слово!

Ну, кажется, я все рассказал. Простите, если утомил профессиональными подробностями. До следующих поездок и встреч!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется кинокритику Люции Валюшиной.

ВАЛЮШИНА. Так как товарищ Подстригайлов здесь подробно рассказал об интересных встречах и о стране в целом, я ограничусь рассказом об одном из фильмов фестиваля, который произвел на меня неизгладимое впечатление. Должна вам сказать, что мне довелось увидеть лучший из фильмов, созданных великим режиссером Санаторио Животино,— я имею в виду его бессмертный шедевр «Бьется, как птица».

Я расскажу вам коротко сюжет этого фильма. Одна падшая женщина (ее роль играет гениальная Петрула Петрулли) падала все ниже и ниже, как обычно бывает при капитализме, и упала на самый низ. Бедный итальянский золотопромышленник (это лучшая роль великого Луизо Луизи), *увидев ее на дне, старается вытащить* несчастную наверх и поставить на ноги.

Сицилийский бандит Марко Марки (шедевр актера Марио Маруси) задумал убить золотопромышленника, решив, что этим восстановит социальную справедливость. Но сестра второго мужа свекрови героини, падавшая вместе с ней, извещает о заговоре молодого дегустатора Карлино Карлини, поразительно сыгранного непревзойденным Абрамо Абрами. Дегустатор ездит по всей стране на велосипеде в поисках правды и спра-

Н. ОРЕХОВ-ЗУЕ

ведливости, но не м
найти.

В это время золото
разоряется благодаря
ры и поступает в игр
зин продавцом. Об
«маленького челове
Этого всего не може
рула. Она стреляется
летает мимо и попада
цистерну с культурс
бактерий свинки, унич
живое. И тут режиссе
щанской моралью За
ной силой создал пот
тины гибели человече
в конце картины выяс
это был сон молодого
Эмили (превосхо
Нино Нини), пер
спагетти в томате.

Эта поразительна
ма ничем, к со
отмечена на фести

Рисунок В. ЗАЙЦЕВА

Потолковый словарь

Пародия

Воду в ступе потолок,
Посмотрел на потолок.
...Вдруг подумал:
«А у сов
Есть усы иль нет усов?»

Яков Козловский.
«О словах
разнообразных,
Одинаковых, но разных».

Воду в ступе потолок —
Думал,
Глядя в потолок:
Нет у сов усов,
Но сов
Не бывает без носов.
Говорят, у сов есть... совесть.
Никогда не буду сов есть!
Приспособлю пару сов
Для... подъема парусов!
Выпью,
Рейсы совершая,
За здоровье сов «ерша» я!..
И путем особых курсов
Превращу потом я
В... кур сов!
Смейся, филин!
А сове ты
Дай разумные советы:
Не совать, как я,
В набор
Слов бессмысленный набор!

Иван ЗАКОНОВ

— Ваши вещички?

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

…-ЗУЕВ

…СТИ ФЕСТИВАЛЯ

…не может их никак
…
…золотопромышленник
…одаря инфляции ли-
… в игрушечный мага-
… Обычная трагедия
…еловека» на Западе.
…может вынести Пет-
…пяется, но пуля про-
…попадает в огромную
…ьтуры особого вида
…, уничтожающей все
…жиссер, борясь с ме-
…ью Запада, с огром-
…ал потрясающие кар-
…ловечества. И только
… выясняется, что все
…ло…го поэта Эмилио
…схо…но вылепленного
…пер…евшего на ночь
…е.
…ьн… социальная дра-
…со…влению, не была
…сти…але, так как в жю-
ри были люди, мало разбирающиеся в кино.

И вот это великое произведение киноискусства вы вскоре увидите. А я специально рассказала вам его сюжет, чтобы для вас во время просмотра не было ничего непонятного в этом мировом шедевре.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Теперь попросим поделиться своими впечатлениями нашего уважаемого мэтра — режиссера Семена Юлиановича Борзова!

БОРЗОВ. Весь конгломерат постулатов гиперболически развитых функций чувственного восприятия, эгоцентрика эмоций, превалировавших в прошедшем фестивале, заставил меня задуматься о трагических метаниях моих западных коллег в поисках статуарного кредо. Видя линеарную трепетность схематического эротизма Антониони и сравнивая его с имманентностью неоклассических тенденций позитивного экзистенциализма моего друга Сартра, хочется сказать вам о нашем кино простой латынью: «Вени, види, вици!» И хочется вскрикнуть: «До чего же это здорово, черт его возьми!» Эрго — стремительно падающая готика Кёльнского собора, помноженная на плоскостные, двухмерные решения многоугольных конструкций моего друга Леже, адекватны сонетам раннего Ронсара, а лиловатые тени Вилье де Лиль-Адана с его призматическими догматами выводят моего друга Луи Малля в разряд лучших режиссеров пантеистически настроенной группы «ста шестидесяти девяти». Как же замечательно жить на свете после всего этого!

Пленарность восприятия искристой сумасшедшинки «Зази в метро», фильма, контактно вызывающего спонтанный коллапс у депрессивных ипохондриков, а рядом кипучая вивантность моего «Сердца в груди» говорят не в пользу одного из этих фильмов.

На фестивале также отчетливо обнаружились тенденции к вилурентности предыктового монтажа без учета агрессивности реакции неквалифицированного зрителя. Против этого справедливо восстал мой друг Кокто и друг моего друга Александрова Чарли Чаплин. И в результате острой борьбы внутри эмансипированного жюри десятью голосами против одного французский фильм «И хочется знать, что ждет впереди» получил высшую награду фестиваля — «Латунного тапира». Видит бог, я делал, что мог!

В заключение мне хочется извиниться перед присутствующими за некоторую лексическую упрощенность моего выступления. Но я был вынужден учесть неоднородный в интеллектуальном отношении состав аудитории. Спасибо за напряженное внимание!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Попросим теперь рассказать о поездке нашу популярную театральную и киноактрису Лидию Бесцельную. Пожалуйста, Лидия Васильевна!

БЕСЦЕЛЬНАЯ. Я прежде всего актриса и, стало быть, женщина! И потому первое, что привлекло мое внимание на фестивале, — это, естественно, моды! Видите мою прическу? Прямо с аэродрома я поехала в парикмахерскую — и вот результат на голове!

Все плато-д'за-страхянки носят сейчас зеленоватые тона. Платья короче, чем в прошлом году, но длиннее, чем я думала перед поездкой. Панбархат уже давно не в почете, но я смело вводила его опять в моду.

Встретившись с Лоллобриджидой, мы горячо обсуждали проблемы преимущества отложных воротников перед шалевыми.

Обратите внимание на эти изящные вытачки (показывает). А эта линия кроя спины (поворачивается спиной) характерна для материалов с ворсиком. Кантики и бантики по-прежнему привлекают. Вообще фестивалем я очень довольна, было что посмотреть: расклешенные пальто, удачно примененные жатые материалы, высокие талии, множество сборок у пояса — все это было мне очень полезно как женщине, а стало быть, и как актрисе. Демонстрировалось, помимо мод, еще много фильмов. Но обо всем этом уже говорили другие члены делегации. Спасибо!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. После небольшого перерыва будет показан первый фильм старейшего режиссера Бориса Ржевского «Прощайтесь, Кукуев!», получивший на фестивале специальную премию жюри «За лучший фильм о Кукуеве».

СЛУЧАЙ НА ТРАНСПОРТЕ

Одна московская газета раскритиковала поставленный Ростовским цирком спектакль «Пароход идет «Анюта». Тон критики резкий, выводы безоговорочны, что видно из заголовка рецензии: «Не пора ли сменить пароход?».

Другая, тоже московская, газета выступила с иных позиций. Отметив недостатки сценария и режиссуры спектакля, она дала ему в целом положительную оценку, о чем свидетельствует бодрое заглавие статьи: «Под флагами расцвечивания».

Интересно посмотреть, в каких именно пунктах точки зрения двух газет разошлись. Это наглядно показывает приводимая ниже таблица:

Первая газета	Вторая газета
«Сценарий мешает раскрыться дарованию актеров».	«Сценарий пантомимы удачно осмысливает многие цирковые номера, включенные в программу».
«Неужели в обрисовке положительного героя Синичкина (лучшего экскаваторщика) не нашлось иных красок, как только сделать его победителем в состязании на рапирах с бездельником и тунеядцем Аполлоном?»	«Спор между ними (Синичкиным и Аполлоном) решается в сугубо цирковой манере — блестяще разыгранной, смешной до колик клоунадой».
«Может быть, стоит «команде парохода» покинуть эту непрочную, ненадежную конструкцию и пересесть на другой пароход, который будет двигаться в русле большого, настоящего искусства».	«Пароход все-таки вышел в плавание, а это не может не радовать... Пантомима с ее увлекательным сюжетом, динамически развивающимся действием, с ее сегодняшним содержанием раскрывает перед режиссерами и артистами цирка безграничные творческие возможности. И спектакль Ростовского цирка еще раз красноречиво убеждает в этом».

Итак, одни радуются рождению корабля и желают ему счастливого плавания, другие обрекают его на слом и говорят пассажирам: «Слезай, приехали!»

— Ну что ж, — скажет видавший виды боцман, — такие случаи у нас на водном транспорте бывают.

Позвольте, возразим мы ветерану. А если дело касается сладкозвучных муз? Не оскорбим ли мы их чуткого слуха, если станем топать с одного борта на другой? Ведь случай, о котором мы рассказали выше, к сожалению, не единственный.

Драматурги Вл. Дыховичный и М. Слободской написали комедию «Женский монастырь». На постановку этой пьесы снова откликнулись две московские газеты.

Первая, со свойственной ей непримиримостью, не оставила от монастырских стен камня на камне. Другая выразила сожаление, что «Женский монастырь» пока единственный в своем роде. Не верите? Пожалуйста.

Первая газета	Вторая газета
«Путь на сцену открыл этому произведению Московский театр сатиры. Здесь пьеса была отредактирована и направлена в отдел распространения драматических произведений Всесоюзного управления по охране авторских прав. К сожалению, эта комедия, лишенная сколько-нибудь значительной идеи и художественных достоинств, была принята к постановке и показана сотням тысяч зрителей. ...А результат? Впустую растраченные творческие силы и загубленные средства на декорации и костюмы...»	«В Театре имени Ленсовета играют «Женский монастырь» В. Дыховичного и М. Слободского. В центре спектакля — А. Фрейндлих, она очаровательна и изящна во всем: в пластике, в том, как она поет, как улыбается и грустит. Чувствуется мера подлинного артистизма. Да и весь спектакль, поставленный режиссером И. Владимировым, музыкален, остроумен, проникнут искренним весельем. Это спектакль-ревю, в своем жанре удачный. Но... Это единственный советский спектакль за сезон в Театре имени Ленсовета».

— Нет ничего удивительного в том,— подтвердит завзятый театрал,— что разные критики и разные газеты высказывают различные точки зрения на одно и то же произведение искусства.

Мы согласны, критики действительно разные. Автор первой рецензии на цирковой спектакль «Пароход идет «Анюта» — М. Игнатьева, автор второй — Вл. Горохов. И писали они о спектакле Ростовского цирка в разное время: Вл. Горохов — 14 ноября 1961 года, М. Игнатьева — по прошествии двух лет, 8 октября 1963 года. Зубодробительный отзыв о спектакле «Женский монастырь» принадлежит перу Д. Владимировой и солидаризировавшейся с ней редакции. А с похвалами спектаклю выступает Т. Марченко. Только писали они тоже в разное время: Т. Марченко — 8 августа, а Д. Владимирова — 17 октября 1963 года.

А вот газета, где печатались все эти четыре статьи, одна — «Советская культура». И редактор один — Д. Г. Большов.

Цирк? Цирк!

В. ПЕТРОВ

ОТ РЕДАКЦИИ. К рецензии на спектакль «Женский монастырь», опубликованной в «Советской культуре», была подверстана заметка «От редакции». Мы тоже не можем удержаться, не сделать редакционное примечание.

Как видите, дорогие читатели, газета «Советская культура» еще недавно искренне смеялась на спектакле «Женский монастырь», а теперь строго сдвинула брови. Более того, «прозрев», она негодует. Называет эту комедию «лишенной сколько-нибудь значительной идеи и художественных достоинств».

А ведь идея очень ясная: уважайте и цените труд женщины, создавайте ей возможность широко проявить свои способности. Разве это не значительно?

Что же касается художественных достоинств, то их отметили зрители. Отметили хотя бы тем, что на месяц вперед раскупили билеты.

Они смотрят спектакль и от души смеются, совершенно не принимая во внимание, что у автора рецензии Д. Владимировой на смех свой взгляд. Она утверждает, что «Женский монастырь» написан «в жанре анекдота». А что такое анекдот? «Присказка — безделушка»,— отвечает Д. Владимирова. С этих позиций и ведется огонь. Рецензию венчает фраза: «Нелегко, наверное, найти энтузиаста, который по доброй воле согласился бы в течение целого вечера слушать анекдот».

Иначе говоря, если Д. Владимирова шуток не понимает, значит, и другим это не нужно.

А может, рецензии Д. Владимировой не стоит придавать серьезного значения? Может, редактор поместил ее просто так? У Салтыкова-Щедрина описан редактор Никодим Крошечкин, который для оживления столбцов выпускаемой им газеты вел полемику с самим собой. Неужели это тот случай?

— Сколько осталось до конца спектакля?
— Два зрителя.

Рисунок Е. ШУКАЕВА

ГУБЕРНАТОР БОМБИНГЕМА

Перед телевизионным экраном сидит благопристойная американская семья. Удобно *расположился в покойном* кресле глава семейства. В его позе чувствуется сознание выполненного долга. Теперь он может по праву насладиться заслуженным отдыхом. Рядом — супруга и четверо детей; младшей дочери, Дженни Ли,— два года, старшей, Бобби Джо,— восемнадцать. Никто не шевельнется: тсс... папа отдыхает.

Папа действительно отдыхает, тем более что передача на этот раз интересная и даже некоторым образом касается его самого, *губернатора* штата Алабама Джорджа Уоллеса.

Мистер Уоллес довольно улыбается в полумраке гостиной и ласково треплет нежные локоны младшей дочери. Он горд собой, своим семейством и передачей, в которой рассказывается, как он убил шестерых негритянских детей.

Он откидывается в кресле и смотрит на экран телевизора.

Место действия — город Бирмингем в американском штате Алабама. В крупнейшей негритянской церкви города идет воскресная утренняя служба, тема ее — «Любовь всепрощающая».

В десять часов двадцать две минуты сильный взрыв потряс церковь: сработал механизм бомбы, подложенной кем-то под лестницу.

Когда осела пыль и ветер развеял дым, на месте взрыва высилась груда битого камня. На самой верхушке этой страшной пирамиды белел кружевной девичий наряд для церковной службы. Под грудой щебня нашли трупы четырех негритянских девочек.

В немом оцепенении стояли прихожане. Негритянский священник, еле сдерживая рыдания, обратился к ним:

— Идите по домам и молитесь за тех, кто сотворил *это зло. В наших сердцах должна* быть любовь и для этих людей.

— Любить их?! — воскликнул шестнадцатилетний Джонни Робинсон.— И получать за любовь вот это?! Мы ненавидим их!

И в то же *мгновение* полицейские, прибывшие к полуразрушенной церкви, открыли огонь. *Шестнадцатилетний Джонни Робинсон* был убит. Вскоре на городской улице был убит из револьвера еще один негр — тринадцатилетний Вирджил Вэа.

Так шесть юных чернокожих бирмингемцев погибли в то черное воскресенье.

За семьдесят два часа до взрыва в церкви Уоллес, комментируя по телевидению участившиеся нападения расистов на негров, сказал:

— Об этих покушениях много говорят, но никто еще не был убит.

Это *прозвучало как подстрекательство, как* команда «Пли!». И вот — взрыв и выстрелы в Бирмингеме. И смерть.

Вся честная Америка с гневом бросила в лицо Уоллесу: «Кровь бирмингемских детей на ваших руках!»

Даже в современной Америке, где скандальная деятельность всякого рода бешеных, казалось бы, не знает границ, Уоллес уверенно занимает место в первой десятке ведущих американских мракобесов.

Коренастый, небольшого роста, с тупой и злобной физиономией, этот расист-фанатик *все чаще смотрит на читателя своими маленькими* свиными глазками со страниц американских газет и журналов. Детоубийца любит позировать перед объективом, высоко подняв голову. И кто знает, с кем он мысленно сравнивает себя: с Адольфом Гитлером или Чарльзом Линчем, имя которого стало синонимом самосуда над неграми?

Скандальная слава мракобеса пришла к Уоллесу довольно рано; ему сейчас всего сорок четыре года, но он давно уже привык ценить аплодисменты расистского партера.

Окончив в 1947 году Алабамский университет, *Уоллес стал мелким судейским клерком.* Начинающий юрист терпеливо ждал своего шанса. Пока что он подзарабатывал на боксерском ринге, выступая в «весе петуха». Боксерский бизнес, один из самых грязных в США, видимо, привил ему элементарные навыки, необходимые не только на боксерском, но и на политическом ринге.

Уоллес быстро уяснил, что пружинистое сиденье судейского кресла может послужить для него неплохим трамплином в политической игре. В 1958 году федеральные власти начали следствие по поводу многочисленных подлогов во время избирательной кампании в штате Алабама. Будучи к тому времени уже *окружным судьей, Уоллес сделал все,* чтобы сорвать расследование. Он ревностно выполнил приказ политических боссов штата, и они не забыли о нем. В том же самом 1958 году его выдвинули кандидатом на пост губернатора штата.

Это был первый раунд бывшего боксера на политическом ринге. Но первый блин вышел комом: соперник Уоллеса нокаутировал его на выборах. В этом южном хлопковом штате, где некоронованными королями испокон веку были плантаторы, а их рабами — негры, его соперник на выборах проявил себя еще более ярым расистом, чем Уоллес, и — победил.

Что ж, на *ошибках учатся! Сразу же после* того, как были оглашены результаты выборов, Уоллес *заявил:* «На этот раз они провели меня. Больше им это не удастся!».

На следующих выборах губернатора, в 1962 году Уоллес выступил как самый бешеный расист в США. Политические боссы штата сделали его губернатором. Именно тогда, в дни избирательной кампании 1962 года, Уоллес заверил своих хозяев, что он станет грудью в дверях любой школы штата на пути тех, кто решится ввести совместное обучение белых и черных. И вскоре, уже будучи губернатором, он не только сдержал свое слово, но и стал общепризнанным всеамериканским чемпионом *в области расистского изуверства.*

В штате Алабама царит расистский террор; в одном только Бирмингеме пятьдесят раз взрывались бомбы, подложенные расистами. Власти штата до сих пор не нашли преступников, подорвавших негритянскую церковь. Да *и как их найти, когда их вовсе и не ищут!* Город этот теперь многие называют Бомбингемом.

Такое название не смущает Уоллеса. Бомбы — его главный политический аргумент. Политическая овчарка алабамских плантаторов и промышленников, издавна гнувших негров в три погибели, он из кожи лезет вон, чтобы угодить своим хозяевам. Его бешеный лай регулярно транслируют алабамские радио- и телекомпании. «Мы боремся,— рычит он,— ради *принципа, а не ради чего-нибудь* еще. Пока не поздно повернуть все вспять. Мы будем бороться до тех пор, пока все снова не будет по справедливости».

И это не ложь. «Справедливость рабовладельцев» — это вполне конкретная вещь, которую даже можно взять в руки. Это плеть. И принцип у расистов тоже есть — никто не должен мешать им пользоваться этой плетью.

Недавно в американской печати появились сообщения о том, что Уоллес уже много лет *психически ненормален.* Это *удостоверено* врачебной справкой. Если это и верно, то такая справка вряд ли смутит хозяев Уоллеса. Ведь они, так же как и весь мир, знают, что безумцы занимали в США посты и повыше, чем губернаторский. И к тому же какой психиатр сможет провести черту между настоящими сумасшедшими, сидящими взаперти, и современными американскими бешеными, разгуливающими на свободе и мечтающими посадить под замок всех, у кого есть хоть *крупица здравого смысла?*

Вот почему Джордж Уоллес сидит не на жесткой скамейке *перед судом, а в* уютном кресле перед домашним телевизором и любуется делами кровавых рук своих.

В. НИКОЛАЕВ

НАРЯД АМЕРИКАНСКОГО ШЕРИФА

В служебное...

и в свободное время.

Рисунок А. КРЫЛОВА

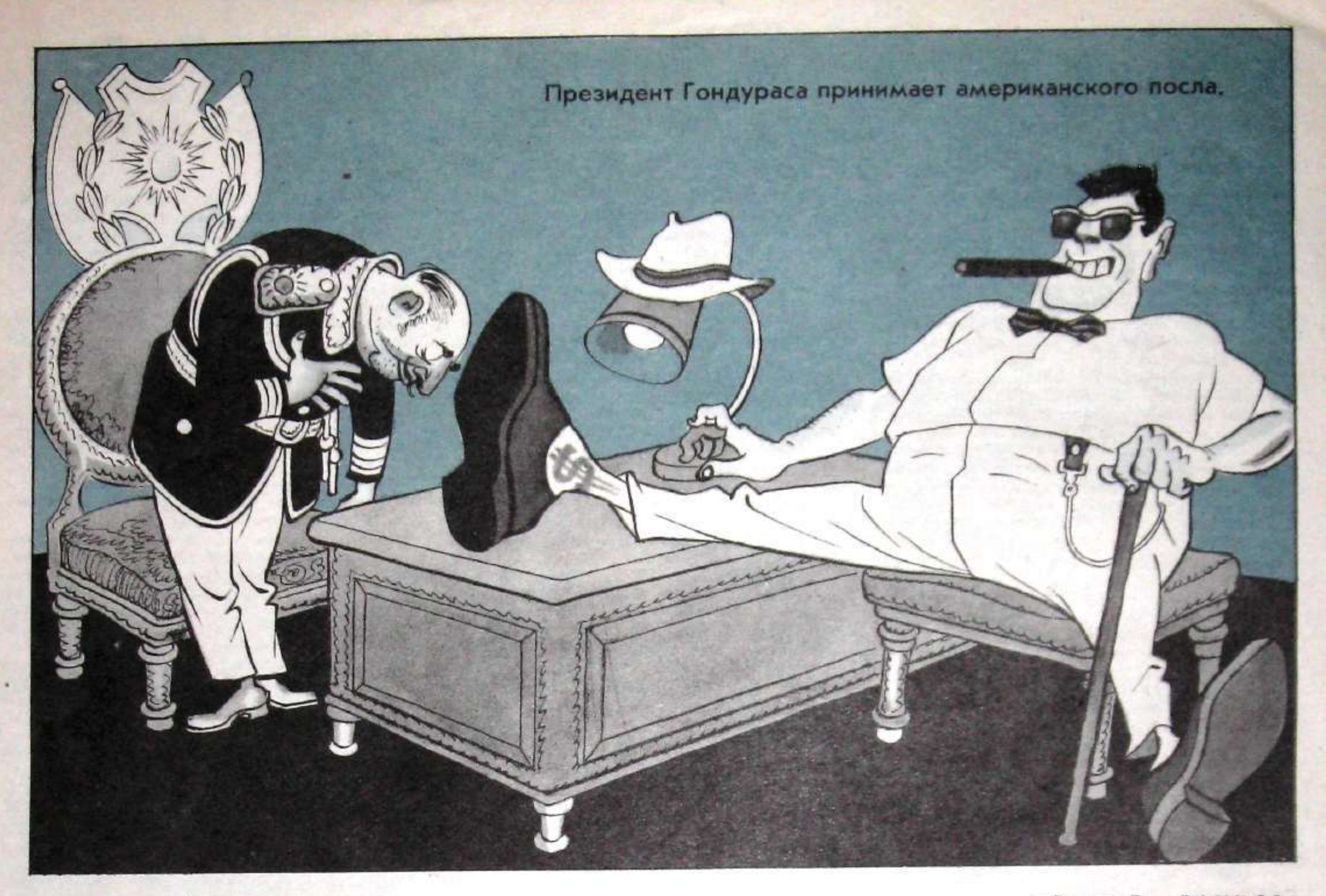

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

ТИТУЛЫ НЕ ПОМОГАЮТ

Марионеточное национальное собрание республики Гаити присвоило диктатору Дювалье громкий титул — Обновителя Нации! Тому самому Дювалье, который сделал все от него зависящее, чтобы держать нацию в полицейских наручниках.

Но титул никогда еще не спасал самозванцев. Не спас он, например, диктатора Доминиканской республики Трухильо. А как красиво звучало полное имя этого тирана: Его Превосходительство Генералиссимус и доктор Рафаэль Леонидас Трухильо Молина, Благодетель Отчизны, Его Светлейшее Превосходительство, Отец Новой Нации, Восстановитель Финансовой Независимости и... Первый Журналист Республики!

А чем худо такое словесное ожерелье: сэр Джордж Дживайя Рао Сциндия, Верховный Владыка, Светоч Века, Богатейший из Богатых, Храбрейший из Храбрых, Нежнейший из Нежнейших, Магараджа Гвалиора. Теперь бывший «нежнейший» магараджа — просто рядовой обыватель штата Мадхья-Прадеш в новой Индии. И ему титул не помог.

Прасковьи Ивановны дома нету...

О Прасковье Ивановне разговор будет особый. А пока поговорим о капитализме. Сердце сжимается от огорчения. Пишу, и руки дрожат. Трудно писать о покойнике.

Он умер! Умер, бедняга. Господин, мистер, мсье, сеньор капитализм дал дуба. Как же мы теперь, друзья, будем жить и функционировать без старика?

Нет, не мы с вами виноваты в его смерти. Угробил его один американский миллионер. Он выступил с конкретным предложением: ликвидировать слово «капитализм». Миллионер так прямо и сказал:

— Мы должны похоронить слово «капитализм».

Разговор на эту тему портит нервную систему. Вот почему капиталисты, оберегая свои нервы, решили поскорее покончить... нет, не с капитализмом... а с этим неприятным, обесчещенным словом.

Разговор этот ведется широко в американской прессе. Вот совсем недавно журнал «Америка» подарил нам несколько веселых минут.

В одном из последних номеров напечатана большая и очень «серьезная» статья некоего Роберта Лекачмана «Переоценка американского капитализма».

Оказывается, друзья, все дело не в классовой борьбе, а в терминологии. Мы с вами не заметили этого, а вот мистер Лекачман обращает наше внимание на то, что «мы почти всегда пользуемся уже устаревшей терминологией».

Горе нам! Стыд и срам! Можно ли так отставать от моды? Экий, прости господи, провинциализм!

«Ярким примером отставания терминологии служит термин «капитализм».

Вот, оказывается, с кем надо рабочему классу бороться: не с капитализмом, а с термином.

Не против капитализма, а против термина надо устраивать забастовки, демонстрации и манифестации.

Не капитализм, а термин пускает в ход против демонстранта слезоточивые газы, дубинки, пулеметы.

При всем этом мистер Лекачман и его друзья дают на выбор очень много терминов один краше другого.

Чем плох, например, термин «народный капитализм»? Не нравится?

Пожалуйста, другой термин. Очень хорошо звучит: «смешанная экономика». Не понятно?

Можем предложить — «капитализм благосостояния». Что? А как будет с безработными?

Весьма элегантно звучит термин «прогрессивный капитализм»! А? Берите, будете благодарить!

Словом, можно кое-что выбрать. Но самое главное, учит мистер Лекачман, к чему мы должны стремиться, — чтобы не бросалось в глаза слово «капитализм». Очень отсталый термин. Меняем же мы вышедшие из моды брюки, галстуки, рубашки. Надо менять и экономические и политические термины, уважаемые мистеры, герры, мсье и сеньоры!

Вот тут пора сказать несколько слов о Прасковье Ивановне.

Один бывалый человек рассказывает:

— Когда я еще при царском режиме жил в Астраханской губернии, я был немало удивлен, увидав, что на всех дверях и окнах одной деревенской избушки наклеены бумажки с надписью: «Прасковьи Ивановны дома нету». Сама Прасковья Ивановна, которая в действительности сидела дома, рассказала мне, что она уже несколько недель мается от лихорадки. Сделала она эти надписи, чтобы избавиться от болезни. Придет лихорадка, прочитает записочки, увидит, что Прасковьи Ивановны нет, и уйдет прочь...

По следам этой древней старушки ковыляют капиталисты. Они, боясь лихорадки, на всех своих окнах и дверях вешают записочки: «Капитализма нет, он ушел».

Придет лихорадка, прочитает записочки и уйдет прочь...

Считаю своим долгом добавить, что Прасковье Ивановне записочки не помогли...

Г. РЫКЛИН

Мэл КОЛБИ

ЗАГАДКА ОФИЦИАНТА

Одной из величайших загадок современной цивилизации является, без сомнения, проблема исчезновения официанта после получения заказа. Мне не хочется выходить за рамки материалистического объяснения, но похоже, что тут не обходится без вмешательства потусторонних сил.

Но даже до момента его исчезновения с заказом официант неуловим, как легендарные змеи в шотландских озерах. Некоторые посетители ресторанов уверены, что, согласно каким-то еще не изученным законам природы, они становятся невидимыми в тот момент, когда садятся за столик. Другие, просидев напрасно за столиком час-другой, начинают подозревать, что на лице у них следы бубонной чумы — иначе чем объяснить, что официанты сторонятся их, как черти священника?

Некоторые посетители ресторанов, народ, должно быть, слабый и неприспособленный для подвигов, решают сидеть смирно и ждать.

Другие посмелей. Природный боевой дух не позволяет им склонить голову перед судьбой. Даже зная, что их борьба напрасна, они сражаются до конца. Тактика их разнообразна.

Я знал одного завсегдатая ресторанов, который утверждал, что лучше всего встать на столике на голову и молча стоять так минут тридцать — сорок. Если вы не боитесь головной боли, стоит попробовать. Из всех чувств у официанта обычно остаются лишь остатки любопытства, и не исключена возможность, что через полчасика он подойдет посмотреть, почему вы еще до сих пор не упали. Тут следует упасть ему прямо в руки — и он попался. Способ этот, однако, малопригоден для стариков, женщин и детей, так как они не вызывают любопытства у официантов, даже стоя на голове.

Но сколь ни разнообразны попытки завладеть вниманием официанта, все они почти никогда не достигают цели. Он обратит на вас внимание только тогда, когда какой-то внутренний голос шепнет ему: «Пора». И когда этот блаженный момент наступает, посетитель уже не тот, каким он вошел в зал. Под глазами у него круги. Голос слаб, и произношение неясное. Ему безразлично, что ему принесут: будь то сырое китовое мясо или сыр рокфор в огуречном рассоле.

Начинается второе испытание. Официант снова исчезает. Теперь вы уже даже и не ждете его. Какая разница, где он: читает книгу или прогуливается для аппетита? Окладистая седая борода, выросшая тем временем у вас, бессильно покоится на тарелке, и вы вынуждены просить соседа помочь вам поднять вилку со стола.

Зато официант бодр и энергичен, его зоркие глаза уже высматривают новую жертву.

Перевод с английского.

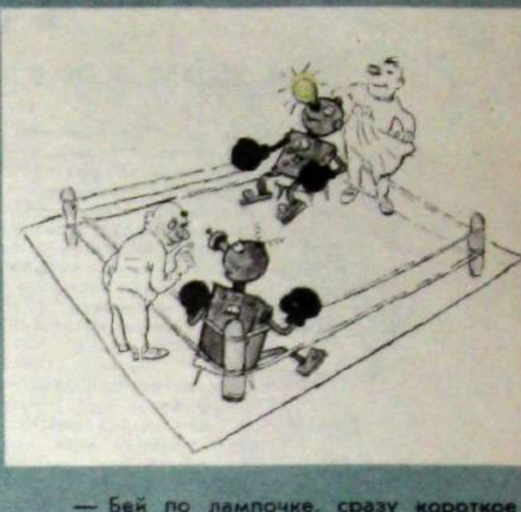

СОВРЕМЕННАЯ СКАЗКА

— Ну что? Сообразили?

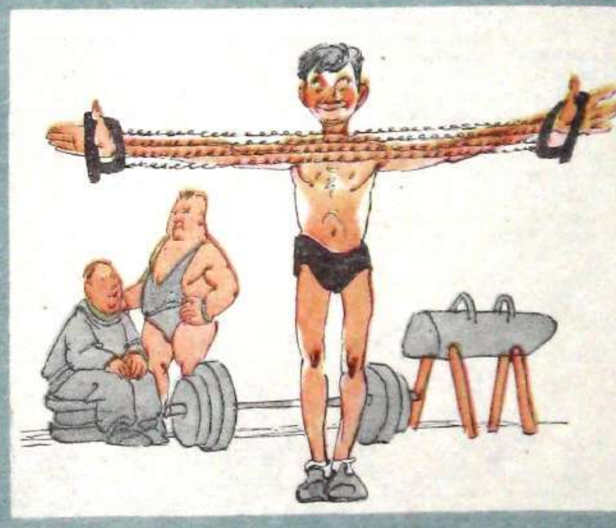
Рисунок Е. ГУРОВА

— Бей по лампочке, сразу короткое замыкание и нокаут!

Рисунок Ю. АНДРЕЕВА

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

— Смотрите, как новичок запросто растянул пружины!

— Так он же рыбак!

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

Осторожно, школа!

Рисунок А. ГОЛУБЕВА

Вл. ПАНКОВ

Быль о среднем человечке

Точка. Точка. Два крючочка.
Носик. Ротик. Оборотик.
Ручки. Ножки. Огуречик.
Так родился человечек.
Потихонечку, без крика,
Тихой сапой, шито-крыто.
Смирным вышел человечек,
В свой замкнулся огуречик.
Носик в щели не совал,
Ротик зря не разевал,
Ручкам, ножкам, язычочку
Воли тоже не давал.

В мире множество людей.
У людей полно идей.
— А, пожалуй, без идей
Мне не станет тяжелей!
И решил тогда он просто:
Ни скоромным быть, ни
постным,
И не горьким, и не сладким,
Не приятным и не гадким,
Не небритым и не бритым,
Не бьющим и не битым.
— Лучше буду, как святой,
Жить в серёдке золотой!
Ни вперед чтоб не соваться,
Ни в хвосте не оставаться,
Не шататься влево-вправо,
Жить, не мудрствуя лукаво,
Для себя,
собою жить,
Из себя не выходить.

В школе ротик был тихоней,
Не блистал на общем фоне,
Налепил себе ярлык:
«Самый средний ученик».
— За пятерки вознесут,
А за двойки разнесут.
Только тройка, только тройка,
Так сказать, ни то, ни се.
Не похвалят, не похают,
Не заметят — вот и все!

Так он жил да подрастал —
Выше среднего не стал.
Он не ввязывался в споры,
Споры, ссоры и раздоры:
Чтобы в спорах преуспеть,
Нужно мнение иметь.
Он никем не восхищался
И ничем не возмущался.
Если зал голосовал,
Тоже руку поднимал.
Избегал доски почета,
Не знавал седьмого пота,
Скромен был, пуглив и тих,
В рамках жил —
от сих до сих.

Умер.
Точка.
Навсегда
Ушел из жизни
Без следа.
Но...

Точка. Точка. Два крючочка.
Носик. Ротик. Оборотик.
Ручки. Ножки. Огуречик.
Вышел новый человечек.
Снова серый, снова средний,
Бесполезный и безвредный.
Что же нам, опять плевать,
Коль решит он снова стать
Не приятным и не гадким,
И не горьким и не сладким,
И не робким и не смелым —
Это что ж, не наше дело?

Мол, живи, не выделяясь,
В конуру упрятав нос,
Ну, а наша хата с краю...
Точка.

Точка? Нет, вопрос!

Происшествия

ДАВАЙТЕ ПЕШОЧКОМ!

— Вот так,— сказал начальник Грозненской автотранспортной конторы № 1 председателю пригородного колхоза имени 1 Мая,— вот так, милок. Поездили — хватит. Давайте теперь пешочком!

— *Почему пешочком?*

— Рейсы автобусов сокращаем.

— Почему сокращаете?

— План выручки не выполняем.

— Почему не выполняете?

— Шоферы присваивают деньги.

— А при чем тут пассажиры-колхозники?

— А при том: деньги платят, а билеты у шоферов не требуют.

— Доверяют, значит?

— Вот-вот,— сказал начальник АТК.— Благородные слишком пассажиры стали.

— Что же нам теперь делать?

— Разъяснительную работу вести.

— Чтобы, значит, не доверяли пассажиры шоферам?

— Именно.

— А вы?

— Что мы?

— А вы разъяснительную работу не ведете?

— С кем?

— А с шоферами, которые деньги присваивают.

— Ну, знаете,— устало сказал начальник АТК,— вы билеты не требуете, а мы виноваты! В общем, сократим мы количество рейсов. А если и это не поможет, совсем прекратим сообщение с вашим районом.

— Что за чушь! — рассердился председатель колхоза. — Я буду жаловаться!

— Идите, жалуйтесь.

Автобусный начальник немного подумал и добавил:

— Только пешочком.

С. СПАССКИЙ

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Третьего мая сего года в конце второй половины дня директор бани в частной беседе со мной высказал свое желание по поводу выпивки и сожаление об отсутствии денег.

Следует отметить, что в то время мы оба были выпивши. Степень опьянения была на закате своего воздействия и своеобразно требовала последующего продолжения».

(Из жалобы.)

Прислал МЕНЕМШЕВ
Ставропольский край.

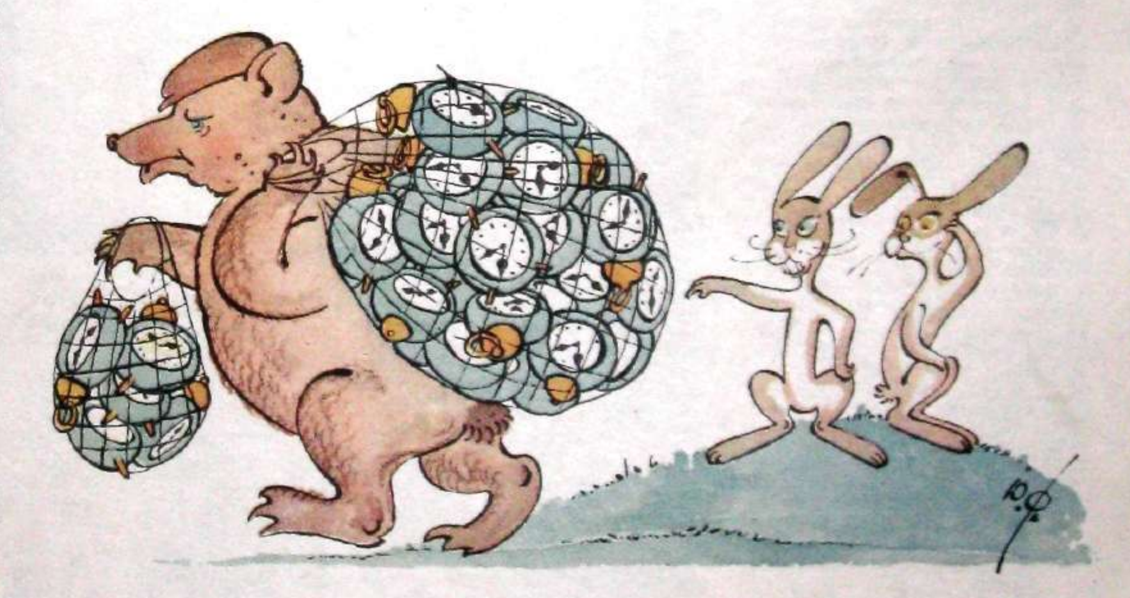
«Своим ежедневным брюзжанием моя соседка по квартире Петлякова Маша вынудила меня просить у Вас благоустроенную квартиру».

(Из заявления.)

«Приведя сторожевую собаку на склад горючего, заправщик Иван Иванович Баранов лежал уже пьяный и без сознания, а придя на вахту № 2 доложить Нач. ПСО тов. Степаненко о случившемся, последний оказался в таком же состоянии».

(Из докладной записки.)

Собрал А. РЕМЕСЛОВ.
г. Углич.

— Зачем медведю столько будильников, да еще к зиме?
— А это он такой запасливый...

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Хоть кол теши...

Не дожидаясь, когда меня обвинят в плагиате или, быть может, даже в контрафакции, спешу публично заявить, что данный труд нельзя рассматривать как продукт самостоятельного литературного творчества. Чтобы не показаться голословным, я буду ссылаться на печатные источники, каковыми широко пользовался при подготовке текста. Скрывать мне нечего да и незачем: здесь нет таких фактов, о которых ранее не сообщалось в прессе.

— Как же он работает? — воскликнет какой-нибудь разгневанный читатель.

— Работаю так, как и некоторые другие лица,— отвечу на это.— Передо мною на письменном столе лежат вырезки из различных центральных, ведомственных и местных газет, подшивки общеполитических и отраслевых журналов, брошюрки, книжечки, плакаты. Изо всей этой литературы я выбираю то, что мне кажется любопытным, и вставляю в свой фельетон.

А любопытного встречается, между прочим, немало. Вот, в частности, журнал «Советская милиция» в пятом номере за прошлый год рассказал о находчивом сержанте, который, возвращаясь ночью домой, заметил злоумышленников, и что из этого вышло. Вскоре об этом же сержанте рассказала газета «Ульяновская правда». А еще через некоторое время сержантом заинтересовался журнал «Крокодил». Правда, он не столько расхваливал храброго милиционера, сколько уличал нечестного на руку ульяновского журналиста Б. Коновалова в плагиате. Сослуживец Б. Коновалова И. Варакин выступил в газете со статьей «Инициатива, рожденная жизнью». Не знаем, какую инициативу имел в виду И. Варакин. Сам же он проявил очень плохую инициативу: часть абзацев украл из «Экономической газеты» за 14 июня 1961 года, а другую часть — из журнала «Изобретатель и рационализатор» (июнь того же года).

А теперь в порядке исключения я решил процитировать документ, который пока еще ни в каких газетах не публиковался. Это письмо секретаря Ульяновского промышленного обкома КПСС тов. Сверкалова в редакцию «Крокодила»: «...Фельетон «Когда города спят» обсуждался на редколлегии и открытом партийном собрании редакции газеты.

Редколлегия и партийное собрание признали фельетон «Когда города спят» правильным и осудили факты плагиата, имевшие место у отдельных работников в редакции «Ульяновской правды». За плагиат работникам редакции «Ульяновской правды» тт. Шмагареву, Афанасьеву, Варакину и Коновалову объявлено по выговору».

Теперь давайте проследим, что же происходит далее в коллективе «Ульяновской правды». Проследим по тем же печатным источникам.

Получив выговор, А. Шмагарев, заведующий сельскохозяйственным отделом, ушел в себя, замолк. Переживал, осмыслял происшедшее. Наконец пережил и осмыслил. Ошибку свою как будто бы осознал. Решил ехать в Чердаклинское производственное управление. Чтобы на этот раз не со страниц других газет и журналов, а из самых глубин жизни черпать актуальные материалы для статей и корреспонденций. И вот в начале октября упомянутый А. Шмагарев вынес свою продукцию на суд читателей.

Стали читатели знакомиться с продукцией, судить да удивляться. Где-то об этом они вроде бы уже читали. Как сказал поэт, что-то слышалось родное в дивных песнях ямщика. И хотя А. Шмагарев ни на какие источники не ссылался, читатели установили довольно быстро: материал взят напрокат из «Сельской жизни». А. Шмагарев списал из этой газеты добрую половину текста, переделав украинский пейзаж на ульяновский и соответственно заменив фамилии, имена собственные и подпись в конце.

Нет, после упомянутого в письме секретаря обкома партийного собрания плагиаторы не думают откладывать ножницы и клей. Им хоть кол на голове теши, а они все свое. 17 августа «Ульяновская правда» вышла с большой передовой статьей «Воспитательная работа — важнейшая задача местных Советов». Как видно из статьи, местные Советы осуществляют воспитательную работу среди трудящихся неплохо. Во всяком случае, лучше, чем редколлегия газеты среди своих сотрудников. Потому что при попустительстве редколлегии все еще недостаточно воспитанный сотрудник В. Клыковский заимствовал эту статью из журнала «Советы депутатов трудящихся» № 7 за 1963 год (в первоисточнике статья называлась «Идейное воспитание строителей коммунизма»). Другому работнику (его фамилию установить пока не удалось) поручили редактировать авторскую статью. Неизвестный злоумышленник достал журнал «Профессионально-техническое обучение» № 5 за 1963 год и стал изучать материал «Путь в мир прекрасного». И вот статья засверкала крадеными перлами.

Студенту-практиканту было поручено написать рецензию на новый кинофильм. Следуя примеру своих наставников, студент-практикант переписал рецензию из журнала «Советский экран». И, конечно же, рецензию напечатали, способного студента-практиканта похвалили...

Как видим, плагиаторам живется неплохо. А хорошая газета «Ульяновская правда» их стараниями на глазах у читателей превращается в предприятие по вторичной обработке и перелицовке материалов, уже опубликованных в других изданиях. Объявленные выговоры — явно не те меры, которые могли бы остановить упомянутых переписчиков. Нужно продумать более действенные средства, которые бы раз и навсегда отучили плагиаторов покушаться на чужой труд.

Впрочем, против одного случая плагиата мы бы возражать не стали. Если б работники «Ульяновской правды» выкрали у нас этот фельетон и опубликовали в своей газете. И не в отрывках, а целиком. Даже без ссылки на первоисточник. Даже за подписью А. Шмагарева или какого-нибудь другого неисправимого плагиатора.

Матвей ИЛЬИН

«Поросенок «табака»

По вине директора опытного семеноводческого хозяйства Н. И. Санкина погибло несколько тысяч поросят. Было испорчено две тысячи тонн сортовых семян.

Комитет партийно-государственного контроля Тульского обкома и облисполкома проверил работу хозяйства поверхностно и не дал должной оценки деятельности Санкина. А бюро обкома выдвинуло губителя народного добра на повышение, рекомендовав его директором областной сельскохозяйственной станции.

Об этом было рассказано в фельетоне «Поросенок «табака», опубликованном в № 14 журнала. Как сообщает нам секретарь Тульского сельского обкома партии И. Х. Юнак, бюро обкома признает, что оно выдвинуло Санкина на должность директора областной сельскохозяйственной станции ошибочно, недостаточно изучив его деловые качества. Н. И. Санкин с работы снят, и на него наложено партийное взыскание. Бюро обкома указало парткому Плавского производственного управления и его секретарю тов. Сундукову на плохой контроль за работой хозяйства и поручило областной прокуратуре привлечь виновных в гибели скота и порче семян к уголовной ответственности.

«Не искушай!»

В 19-м номере Крокодила под таким заголовком была опубликована заметка о том, как в Новомосковскую типографию Днепропетровской области пришла грозная бумага из правления областного отделения хорового общества. В бумаге было сказано, что если типография не вступит немедленно в члены общества, то будет иметь дело с обкомом партии.

Наборщики и линотиписты, писал автор заметки, не пожелали вступать в общество, но, однако, разучивают уже романс «Не искушай меня без нужды». На всякий случай. Хором.

Мы получили письмо от президиума Днепропетровского отделения хорового общества Украинской ССР, в котором говорится, что с угрозой было действительно хвачено лишку.

Однако, сообщает президиум, ввиду того, что общество обладает «весьма скудной материальной базой», «обращение к Новомосковской типографии узаконено», и типография вступить в общество обязана.

Раз угрозы нет, романс теперь можно не разучивать. Вступающим в хоровое общество петь не обязательно. Главное — платить денежные взносы.

ВНИМАНИЕ!

Я переехал на новую квартиру.

Пишите мне по адресу: Москва, А-15, Бумажный пр., 14, 12-й этаж.

КРОКОДИЛ

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМИРНОВ, А. А. СУКОНЦЕВ, Е. А. ШУКАЕВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА». Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный пр., 14. Тел. Д 3-31-37. Издательство «Правда».

А 00196. Изд. № 1655. Подписано к печати 29/X 1963 г. Формат бум. 70×108⅛. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 2680. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Редакция получила письма читателей с просьбой продолжить концерт, начатый в № 30 Крокодила. Выполняем это пожелание.

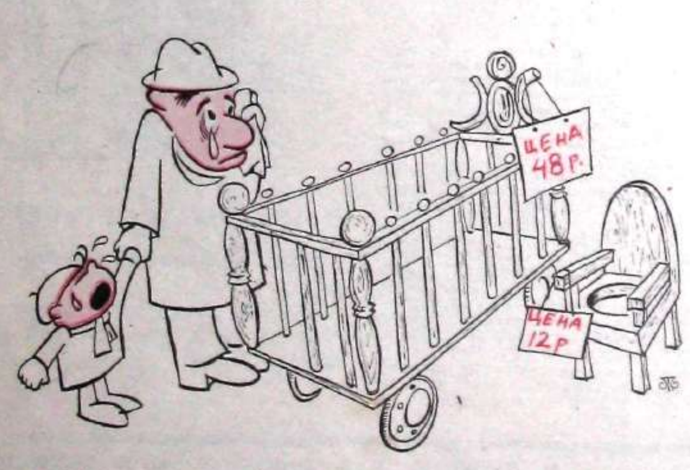
«Цены сам платил немалые...»

**«Посмотрел, промолвил: — Ох!
Ох, влюбиться не дай бог!..»**

«Я гляжу ей вслед: ничего в ней нет...»

«И у детской кроватки тайком ты слезу утираешь...»

«Мы будем петь и смеяться, как дети!..»

Исполнители:

Г. АНДРИАНОВ,
М. БИТНЫЙ,
Б. САВКОВ,
И. СЫЧЕВ,
О. ТЕСЛЕР

Цена номера 12 коп.
Индекс 70436.